Заложники

Автор:
Алекс Шел

Заложники

Алекс Шел

Окончательно уставшая от человеческого муравейника Земля пинком вышибла людей в космические просторы – искать себе новый дом. Сумеют ли они преодолеть главные препятствия на этом пути – собственные внутренние проблемы? Или так и останутся пленниками страхов, амбиций, предубеждений? А те, кто внимательно наблюдает за ними из глубины космоса, друзья они или враги? Эти и другие вопросы ставит перед читателями сборник фантастических рассказов «Заложники». Психологический триллер, спортивная драма, стремительный боевик – погружаясь вместе с персонажами в разные жанры и обстоятельства, попробуйте ответить: свыклись вы сами с ролью заложника или готовы бороться за свою свободу?

Кто нас повернёт от безумья к прозренью?

На картах маршрут так прозрачен и прост,

А в детских глазах нет ни капли сомненья,

Что путь это вверх – до загадочных звёзд.

(Сергей Дворецкий, гр. «Магелланово облако»)

Dat. Dicat. Dedicat (Благодарности)

Конечно же, моим родителям… Светлой памяти отца и с чувством глубокой благодарности маме…

Благодарю всех друзей и близких, кто поддерживал меня в этом творчестве. Здесь есть частичка и вашего тепла!

Отдельно благодарю:

художника Владимира Avtovor (deviantart.com/avtovor) за душевную иллюстрацию к рассказу «Город», которую можно видеть на обложке,

дорогую подругу Айгуль Каримову за мотивацию, оригинальный взгляд на мои тексты и строгую критику

и конечно, филолога Анну Лопатентову – талантливую, светлую и просто очень красивую девушку, без которой эта книга вряд ли бы появилась на свет…

Официальная группа автора в ВК: https://vk.com/public191418571

Игра в жизнь

Посвящается Анне Л.

Планета Надежда (Лада-3), зона первичной экспансии землян,

86-й год после Исхода[1 - после того как условия жизни на Земле стали крайне неблагоприятными, большинство населения покинуло её на эвакуационных космических кораблях, направившись к разведанным пригодным планетам. Это событие получило название «Исход» и в устоявшейся хронологии отсчитывается от даты высадки людей на Надежде. Время действия всех последующих событий указано в г.п.И – годах после Исхода. Продолжительность 1 г.п.И. равна 1

астрономическому земному году]

– Смотри! Смотри! – изящные тонкие пальцы Мониты сжали плечо Игоря.

Палуба яхты под ним чуть покачивалась, убаюкивала. Хотелось просто лежать и смотреть в это безоблачное небо над головой. Чистое, словно отмытое, глубокое, голубое. Но Монита продолжала теребить его за плечо, привлекая внимание.

Пришлось уступить и перевернуться на живот. Там, куда указывала ладонью девушка, примерно в километре от их яхты, протянулась неровная цепочка белых точек: спортивные глиссеры стремительно огибали мыс. Похоже, тренировочный заплыв какой-то местной команды.

Шутка ли: больше 90 процентов поверхности планеты занимает вода! А редкая суша – это в основном архипелаги небольших островов. Почти все гоночные виды спорта здесь либо авиационные, либо вот такие – водно-моторные.

– Любишь гонки? – спросил Игорь, просто чтобы не молчать. После увольнения из космофлота и возвращения на Надежду он всё время ощущал себя каким-то «замороженным». Неловко быть таким чёрствым рядом с Монитой. Ему повезло с ней. Он ничего не ждал от случайного знакомства с девушкой намного моложе себя, а неожиданно нашёл то душевное тепло, которое помогло стряхнуть с себя липкое оцепенение неопределённости. Вместе с ней он словно заново открывал планету и жизнь.

Монита перевернулась на спину, грациозно закинув руки за шею и уставившись в небо:

– Люблю всё красивое. А эти джетглиссы такие красивые! В них нет ничего лишнего, всё подчинено скорости.

Игорь улыбнулся:

– А в тебе чему всё подчинено, что ты такая красотка?

– Мечте…

Игорь любовался ей со стороны: ясные глаза, густые брови, капельку курносый носик и не пухлые, но красиво очерченные губы, которые Монита сейчас покусывала, задумавшись о чём-то.

– А ты? – вдруг спросила она.

– Что?

– Ты любишь гонки? Ведь ты же пилот, должен хорошо водить.

– Я не пилот. Я летал на дозорном корвете, но у меня были совсем другие обязанности в экипаже. Хотя в юности глиссер я водил неплохо.

Монита даже подскочила, с интересом глядя на него:

– Ты гонял на джетглиссе? Серьёзно?!

Игорь в очередной раз усмехнулся привычке юной подруги представлять его эдаким героем, супер-пилотом и вообще. Имей он на неё какие-то виды, мог бы легко воспользоваться, но Игорь чаще смущался попыткам его идеализировать.

– Ну, «гонял», это громко сказано. Вот отец был пилотом, и даже сам построил очень классный по тем временам глиссер. Кое-чему успел и меня научить.

– Мм… – любопытство девушки не давало ей покоя. – Вы, наверное, его потом продали? Глиссер…

Игорь пожал плечами:

– Да нет. Мне было некогда этим заниматься, а мама ничего в них не понимает. Он и сейчас стоит в эллинге на память об отце.

При этих словах Монита вскочила на ноги:

– У тебя есть собственный глиссер, и ты до сих пор молчал?! – воскликнула она, глядя на Игоря широко открытыми глазами. – Да ты просто бессовестный тип,

Спиркин! Я немедленно хочу его увидеть!

И не дав мужчине даже слова сказать, умчалась в рубку. Минуту спустя под палубой мерно загудели двигатели, а за кормой яхты взметнулись водяные буруны.

* * *

– Старьё! – авторитетно изрёк механик, пошевелив рыжими усами.

Больше всего он напоминал хитрого старого таракана: небольшого роста, весь какой-то вёрткий, практически лысый и усатый. И раздражал он Игоря тоже не хуже вредного насекомого. Но приходилось сдерживаться, поскольку сам же дал Моните себя уговорить на этот осмотр. Её симпатичная мордашка возникла с утра на экране видеофона, застав Игоря за завтраком. И сообщила, что договорилась со знакомым отца посмотреть глиссер Спиркина.

Честно говоря, это совсем не входило в планы Игоря. Была суббота, и он намеревался провести выходной совершенно иначе. Впервые за несколько лет вывести, наконец, отцовский глиссер из эллинга и с ветерком прокатить Мониту по заливу.

– Для своего времени это была отличная машина. Отец знал в них толк! И требованиям по классу она до сих пор соответствует.

Классов и моделей гоночных судов на Надежде существовало множество. Но наиболее популярны всё же были джетглиссы – лёгкие спортивные глиссирующие катера. Приводились они в движение водомётом, работающим одновременно и от двигателя, и от мускульной силы пилота. Такое сочетание и принесло им популярность, ведь зрелищность на гонках джетглиссов не сводилась к одной лишь «борьбе моторов».

– Силовая, может, и соответствует, в ней ломаться практически нечему. Но всё остальное устарело.

– Да что всё-то? – начал злиться Спиркин. – Аэродинамику просчитывала и доводила одна частная аэрокосмическая лаборатория, с которой сотрудничал

отец. Каркас корпуса тоже уникальный. Максимум, новый карбюратор и сопло поставить… Помоги лучше завести его, сам увидишь.

Механик ещё что-то ворчал, пока они заряжали аккумуляторы и закачивали сжатый воздух. Монита всё это время изнывала от нетерпения, хоть и старалась не мешать мужчинам. Но всё же она никак не могла усидеть на одном месте, то обходя вокруг глиссера и поглаживая скруглённые, как у морского животного, обводы корпуса, то потихоньку заглядывала в экран мобильного тестера. Механик на эти манёвры молча хмурился и шевелил усами, Игорь всё же старался отвечать на вопросы подруги. Пока не сообразил, что ей мало что понятно в «адиабатическом расширении», а попросту скучно, и посоветовал девушке лучше полчаса поплавать в отгороженном от акватории водного клуба бассейне, пока они всё не наладят.

Когда Монита, вздохнув, удалилась, Игорь откровенно объяснил механику, что продавать глиссер не собирается. Тот только неопределённо крякнул в ответ, в очередной раз пошевелив усами. Похоже, у него это было универсальное средство выражения эмоций.

Полчаса спустя Игорь связался по наручному видеофону с диспетчерской вышкой и запросил у полненькой брюнетки «свободную воду». Получив «добро», сделал на глиссере круг по заливу. Когда остановился возле эллинга, понял, что сразу не может выбраться из кокпита: воздушный насос здесь приводился в действие педалями, как у степпера, и у Игоря с непривычки дрожали перегруженные ноги.

«Вот сейчас на карачках придётся вылезать, да ещё на глазах у девушки. Герой!» – с грустью подумал Игорь. Всё же пора было восстанавливать утраченную форму.

А Монита с восторгом на милом личике уже мчалась к глиссеру, только парео трепыхалось на ветерке, шаловливо обнажая стройные ножки девушки.

– Одевайся, а то простынешь. И спас-жилет не забудь. Сейчас кататься будем!

Монита, радостно взвизгнув, скрылась в эллинге, а усатый механик, наоборот, спустился по сходням к причальной стенке. Хитро подмигнул, склонившись к кокпиту:

– Что, тяжко с непривычки? Сейчас пройдёт. Компрессор на аварийное питание от батарей переключи: хватит, чтобы девчонку прокатить. Зря продать не хочешь. Стоит машина без толку, а так ещё побегала бы на каких-нибудь соревнованиях. А впрочем, дело твоё. Надумаешь, вон, Моните скажи.

Указав на выпорхнувшую из эллинга девушку, механик махнул рукой и пошёл вдоль причалов к выходу из клуба. А Игорь, усадив Мониту на колени, благо её миниатюрная фигура и габариты кокпита такое позволяли, сделал ещё два круга по заливу. Потом диспетчер напомнила, что оплаченное время закончилось, и попросила освободить акваторию.

Монита выскочила из глиссера на причал, улыбаясь с неподдельным восторгом. Потянулась всем стройным телом, раскинув руки, словно желая обнять весь сверкающий на солнце залив, паруса причаленных яхт, стремительные силуэты катеров и самого Игоря вместе с глиссером. Казалось, всё в ней действительно сейчас подчинено если и не мечте, то какому-то молодому порыву точно. Выбравшийся на причал Игорь не удержался, со смехом подхватил девушку под мышки и закружил в воздухе.

– Понравилось, малыш? – спросил он.

– Да! – только и выдохнула девушка, глядя на него лучащимися глазами.

Она так и молчала всё время, пока Спиркин заводил глиссер в эллинг и собирал вещи. Лишь улыбалась ему глазами. И уже на набережной, когда они вышли из клуба, спросила:

– Почему ты не участвуешь в гонках? Мне кажется, ты должен попробовать!

Спиркин вздохнул, покачал головой и слегка обнял её за плечи, заглянув в глаза:

– Послушай, ну какой из меня пилот? Да и прокатиться по закрытой акватории – это одно дело, а заявиться на гонки – совсем другое! Нужно заправлять и обслуживать глиссер, нужен механик. Деньги нужны. Этот твой «тараканище» прав: лучше продать мою машину, пока она ещё кому-то может быть полезна. Какой-нибудь средней руки команде или спортивному клубу…

Монита отстранилась, отступила на шаг. Потом тихо сказала, глядя в сторону:

– Ну, я тогда пойду?

– Иди, – кивнул Игорь, – я отсюда на тебя посмотрю. Хорошо?

– Ага…

Хрупкая фигурка Мониты удалялась вдоль набережной, и Игорь только сейчас обратил внимание, какая у неё необычная походка. Какая-то… не понять: порывистая, что ли? Впрочем, не так: «особенная» – вот правильное слово. У близких людей не бывает странностей, только милые особенные черты. Когда даже звук шагов отличается на слух от всех других. Он вдруг поймал себя на мысли, что не может оторвать от неё взгляда. И что его ладони ещё хранят тепло прикосновения к девичьим плечам.

– Уймись уже, парень! – тихо сказал сам себе Игорь. – Уймись!

Монита как раз поднялась по широкой лестнице, уходящей с набережной к бульвару. Наверху обернулась, и Игорь ожидал, что она как всегда помашет рукой на прощанье. Но девушка ступила на бульвар и быстро скрылась из виду.

* * *

Вечером Спиркин набрал на видеофоне номер, по которому последний раз звонил больше года назад – ещё когда носил погоны и кортик Патруля и не был выслан на Надежду.

Соединение установилось, но видеоотзыва не было.

– Жан, это я.

После небольшой паузы экран мигнул и высветил худощавого шатена:

– Привет, Игорь.

Какое-то время они молчали, уставившись друг на друга, пока Спиркин первым не решился нарушить молчание:

– Ты как?

– Жив-здоров, как видишь, – пожал плечами собеседник. – Сам как?

– Тоже. Работаю, – Игорь рассмеялся, – на рыбоконсервном заводе.

– А, делаешь из хорошей рыбы редкостную гадость в баночке? – со смехом подначили его в ответ.

– Ну да, ну да. А я вот всё жду, когда в спортивных новостях объявят, что Жан Ранвье снова надрал всем задницу!

Мужчина резко стёр улыбку с лица:

– Ты не в курсе? Меня вытурили из клуба сразу после той заварухи. Я пытался собрать команду, чтобы выйти на соревнования самому. Но спонсор нас кинул. И мама болела, ты же знаешь, как у неё со здоровьем. В общем, глиссер пришлось продать. С гонками я завязал. Теперь работаю на стройке и тренирую мальчишек из юношеского водно-моторного клуба.

– Я не знал всего этого, Жан! Прости…

– Всё нормально, – махнул рукой Ранвье. – Скажи лучше, ты давно видел Анну?

– Последний раз тогда же, когда и тебя. А вы разве не общаетесь?

Жан хмуро покачал головой:

– Нет. С тех пор, как я ушёл из спорта. Она видела, что со мной творится, а я не хотел, чтобы она меня жалела. А сам… Моя жалость тоже ей не помогала…

– Я знаю только, что из нас троих она единственная сумела восстановиться на службе. Правда, уже не в Патруле: в планетарной полиции.

Снова повисла долгая пауза.

– Жан, я пытался общаться с нашими ребятами. Не все однозначно отнеслись к той истории…

– Их там не было! – неожиданно резко перебил его Ранвье и уже спокойнее добавил. – Если ты думаешь, Игорь, что я считаю тебя виноватым… Если бы считал, просто сбросил сегодня твой вызов, не стал разговаривать. Хорошо, что позвонил. Значит, и у тебя что-то перегорело внутри. В общем, будешь поблизости, заходи…

* * *

Глиссер скользил по поверхности воды, едва касаясь её поплавками. Двойная дорожка кильватерного следа почти сразу невесомо рассеивалась позади. Лишь радужное облако брызг повисало за удлинённой кормой спортивного катера, придающей машине законченность и стремительность силуэта. Со своими сдвинутыми к носу короткими боковыми поплавками и узкой кормой джетглисс больше всего напоминал ската, разве что слишком «горбатого» из-за кабины и расположенного позади неё моторного отсека. А в кабине одиннадцатилетний Игорь на коленях отца боролся со штурвалом.

Он знал, что надеждинские скаты лишь внешне походят на земных, а на самом деле они вовсе не рыбы, а теплокровные. Им нужно периодически подниматься к поверхности для вдоха, и тогда можно разглядеть их уплощённые тела, каждую секунду готовые вновь спикировать в глубину. Отец объяснил, что правила жизни одинаковы на всех планетах, и поэтому разные по природе существа похожи друг на друга, если обитают в одной среде.

Но сейчас мысли Игоря заняты совсем другим. Он ведёт глиссер вдоль скалистого берегового обрыва, и обычно в этом нет ничего сложного. Они с отцом уже столько раз делали это вместе. Но сегодня, когда вырулили из залива, оказалось, что на небольшом удалении в море движется тяжёлая туша лихтеровоза. И теперь левый фронт создаваемой им мощной волны разбегается перед носом глиссера, заставляя того подрагивать от турбулентности. Чуть дальше, за узким проливом между берегом и безымянным скалистым островком можно будет уйти влево, на спокойную воду, но для этого нужно вписаться в вираж под нужным углом и с определённой скоростью.

Брызги бьют в фонарь кабины, и тут же срываются, уносимые набегающим потоком воздуха. Периодически вода захлёстывает внутрь через открытые боковины, неприятно покалывая разгорячённое лицо мальчишки. Игорь судорожно вцепился в штурвал, косясь на рукоятку газа. Он знал: если слишком приблизиться к возмущённой зоне позади волны, то низко сидящий в воде джетглисс может зарыться в неё носом и перевернуться. Но сбросить скорость и дождаться спокойной воды сейчас тоже нельзя: чуть медленнее, и нагруженное «полутора пассажирами» судно выйдет из режима глиссирования, осядет в воду. И разогнаться вновь они не смогут: отцу с Игорем на коленях тяжело работать степпером. И отвернуть уже поздно: выкинет центробежной силой на скалы островка.

Обычно в таких ситуациях отец всегда приходил на помощь. Маленький Игорь вдруг почувствовал подступающую панику: почему же теперь отец медлит? Тоже не знает, как поступить? С колотящимся сердцем он инстинктивно попытался сдвинуть штурвал влево, к берегу, но поверх его холодных ладошек на «баранку» легли крепкие мужские руки.

– Что же ты, сынок?

– Ну, пап! – прохныкал Игорь, – Я не могу!

– Можешь, просто сам ещё об этом не знаешь.

К ужасу Игоря Спиркин-старший круто взял вправо: нос глиссера теперь смотрел прямо в скалы. Зато опасная волна сместилась влево и вперёд. И вдруг снова стремительно метнулась навстречу – отец резко сменил галс. Закладывая крутой вираж, он словно срезал поворот на петляющей горной дороге. В фонарь кабины яростно хлестнули брызги пены с гребня волны, и вдруг она как по волшебству исчезла с курса: островок перегораживал ей ход. Джетглисс со стрейфом ввинтился в пролив, а когда выскочил на свободную воду, длинная пенная полоса, казавшаяся теперь ленивой и неспешной, удалялась позади.

* * *

Погружённый в воспоминания, Игорь неторопливо спустился на нижний уровень водного клуба – в проход, куда открывались задние двери индивидуальных боксов-эллингов. С утра его опять вызвонила Монита. Вчера при расставании она

казалась расстроенной, даже обиженной, а сегодня опять, как ни в чём не бывало, тащила его на «покатушки». Немного поколебавшись, Игорь решил, что отказываться не стоит, раз уж подруга не дуется на него. А к Жану можно наведаться и вечером.

К тому же ему самому хотелось снова завести глиссер. Вчерашние заезды всколыхнули столько забытых тёплых чувств.

Одна из многочисленных дверей приоткрылась и почти сразу же захлопнулась. За воспоминаниями Игорь не сразу понял, что дверь-то ведёт в его эллинг! Ему даже показалось, что он заметил мелькнувшую в проёме чью-то голову.

Рука инстинктивно потянулась к бедру, но вместо кобуры наткнулась лишь на ткань шортов. В этой жизни оружие ему больше не носить. Именно мысль о том, что он безоружен, почему-то заставила Спиркина успокоиться и подумать критически: ограбление? Здесь, в охраняемом клубе? Бред какой-то!

Дойдя до двери и тихо опустив свою спортивную сумку на бетонный пол, Игорь встал сбоку от проёма, прислушался. В эллинге что-то позвякивало. Глубоко вдохнув, он рывком распахнул дверь.

Глиссер был закреплён в «вертушке» кантователя с креном на левый борт. Из-под распахнутой крышки моторного отсека торчал ладный девичий зад в узких шортиках и стройные ноги.

– Эй!

Монита, а это была именно она, резко разогнулась и стукнулась макушкой о пластиковую крышку.

– Ай!

– Что ты тут делаешь?

– Сначала принято говорить «здравствуй»! – показала ему язык девушка, потирая ушибленную голову. – Напугал меня!

– Я тебя сейчас вообще возьму и отшлёпаю!

– Откуда ты знаешь, может мне понравится?

– Эй, ребята, я вам не мешаю? – из-под днища глиссера показалась знакомая усатая физиономия. – Я, кстати, её предупреждал!

– Ой, да ладно! Просто оказалось, что я знакома с директором этого клуба. И он вчера видел нас с тобой вместе. Так что мне не сложно было убедить его открыть эллинг, чтобы мы с Джозефом могли дождаться тебя тут, а не жариться на солнцепёке. Ничего криминального!

– Да вы копались в моём глиссере! – возмутился Игорь.

– Я хочу его у тебя выкупить!

– Зачем? – ошарашенно уставился Спиркин на подругу. – И откуда у тебя такие деньги? Это же не «собери сам» для юношеских соревнований, а профессиональная модель!

– Ну, я продала свою яхту. И вообще-то я хотела тебе предложить… – Монита смущённо потупилась. – Я оплачу работу механиков и что там ещё нужно, а деньги за твой глиссер можно было бы поставить на тотализаторе. То есть ты будешь в доле и если выиграешь гонку…

– Какую гонку? – Игорь начал терять терпение. – Послушай!

Он крепко взял Мониту за плечи, приблизив её лицо к себе. Механик, почуявший, что обстановка накаляется, начал отступать к выходу:

– Я пойду покурю пока!

– Окурки в океан только не бросай!

– Джозеф, кстати, не курит, – тихо сказала Монита, отступая на шаг и освобождаясь из рук Игоря, когда они остались одни. – Ну, чего ты?

– Я не знаю, может папочка тебе на каждый День рождения по яхте дарит, но причём тут я? Попроси у него глиссер! Да чего уж там: лучше сразу яхтклуб! Я вчера уже сказал усатому, что глиссер не продам. Всё, точка! И участвовать в твоём летнем приключении тоже не собираюсь!

На глазах Мониты навернулись слёзы:

– Дурак! – всхлипнула она, обхватив руками свои плечи, словно ей вдруг стало холодно. – И я тоже, как дура, выделывалась перед тобой. А ты совсем ничего не понял!

Она резко отшатнулась, явно намереваясь уйти, когда Игорь шагнул к ней и, крепко обняв, прижал к себе. Острые кулачки девушки упёрлись ему в грудь, она запыхтела сквозь слёзы, бессильно пытаясь преодолеть сопротивление сильных мужских рук. Потом, наконец, обмякла, лишь хлюпая носом. Монита была ростом Спиркину едва до плеча и сейчас он, склонившись к её голове, мог ощущать аромат волос девушки: сквозь цветочную сладость пробивались едва ощутимые терпкие древесные ноты и запах океана.

– Ну, тогда объясни мне глупому, – он выпустил девушку из объятий, протянул носовой платок и отошёл, дожидаясь, пока она приведёт себя в порядок. Сдвинул кантователь, возвращая глиссер в горизонтальное положение, присел на палубу над левым поплавком. Монита тихо пристроилась рядом.

– Я ведь не мажорка. Да, отец у меня состоятельный, но он никогда меня особо не баловал. Он действительно подарил мне яхту несколько лет назад – на совершеннолетие. Но это был первый такой – взрослый, серьёзный – подарок.

– И теперь ты хочешь этот капитал вложить в идею, которая с высоким риском может прогореть?

– Я хочу после окончания колледжа полететь на исследовательскую станцию на орбите Лады-6 и изучать там Врата, и вообще узнать, что там дальше, за границей нашей системы, и где теперь искать других колонистов, вылетевших с Земли! – Монита перевела дыхание. – А родители хотят, чтобы я продолжила учёбу в университете на Центральном. Если нам повезёт, и у меня появятся деньги на взнос в программу и билет до Лады-6, то это будет серьёзный аргумент, чтобы с ними не согласиться.

– Знаешь, просто со мной однажды такое случилось, когда я всё потерял и был вынужден начинать сначала. Это правда тяжело и сложно. А я оказался к этому не готов. Ты точно готова всем рискнуть?

Монита покачала головой, пристально посмотрела на Игоря:

– К этому нельзя быть готовым. Но это как первый секс: когда-то всё равно случается.

– Ну и сравнения у тебя.

– Хорошее сравнение. Я когда с тобой познакомилась, именно так и подумала: классный ведь мужик, а как жизнь его трахнула! Ну, а я, если ничего не получится, просто поеду на Центральный. Может быть, мне даже понравится, – девушка пожала плечами и быстро добавила. – Ну, или мне будет там так тоскливо, что я сопьюсь и пойду по рукам!

Она порывисто попыталась встать, и Игорь едва успел прихватить её за затылок, чтобы она снова не ударилась о крышку моторного отсека.

– Не болтай ерунду! На какие соревнования ты хотела заявиться, в «Ночную лигу»?

– Ну да.

– Чтобы отбить деньги, нам понадобится что-то посерьёзнее.

* * *

Взметая радужные брызги и оставляя за кормой расходящийся пенный след, глиссер разрезал гладь залива. Монита и механик Джозеф, которого в команде так и прозвали «Тараканом», на что он, впрочем, не обижался, наблюдали за тренировкой с далеко вдающегося в океан скалистого мыса. Вооружившись хронометрами и ещё какой-то аппаратурой, они пристально следили за каждым проходом глиссера.

Также внимательно, только уже без всяких хронометров, за виражами Жана следила Анна Ярцева. По колено зайдя в прибрежные волны, она прижимала ладони ко рту, и всё равно непроизвольно вскрикивала, когда Ранвье закладывал очередной головокружительный поворот.

Сам Игорь уселся на песок пляжа поодаль от причала и пытался справиться с пультом видеодрона, который вручила ему Монита. Здесь, недалеко от дома Ранвье, они оборудовали целую импровизированную водную трассу, гдё всё свободное время Жан гонял в одиночку или как сейчас – под чутким вниманием команды. А потому были нужны не только удачные кадры, но и качественная запись с разных ракурсов для анализа ошибок пилотирования. Ошибок, кстати, почти не было. Жан вернулся за штурвал глиссера как в родную среду, словно и не пережил более чем годичный перерыв.

Наконец, глиссер проскочил последний обозначенный буйками створ и, сбросив скорость, подрулил к причалу. Анна бросилась к мосткам встречать своего парня. Игорь повёл дрон к берегу по широкой дуге, чтобы пролететь над мысом. «Таракан» что-то говорил, энергично жестикулируя. Монита спокойно сворачивала аппаратуру, отрицательно качая головой, отчего механик горячился ещё больше. Игорь, дурачась, заставил дрон зависнуть совсем рядом, снимая лицо подруги крупным планом. Собранные в тугой узел высоко на затылке волосы обнажали, подчёркивая, гордый изгиб высокой шеи. Губы, обычно такие мягкие и полные живой мимики, сейчас плотно сжаты. Глаз не видно за крупными солнцезащитными очками, на дужке которых пристроился микропроектор дополненной реальности. Нарочито-сокрушённо вздохнув, Монита сказала в видеокамеру:

– Сажай «птичку», шут гороховый! И аккуратно, я её с работы умыкнула и должна вернуть в целости и сохранности. Кстати, после разбора заездов или ты где-нибудь меня накормишь, или я тебя съем, потому что умираю с голоду! Не придётся тогда делиться с тобой выигрышем.

Игорь, хохоча, покачал дроном в воздухе в знак согласия. Лишний раз удивившись, куда в подтянутой спортивной фигуре подруги помещается всё, что она с таким аппетитом уплетает.

После тренировки все собрались в гостиной у Ранвье. Видимо, голод настиг не только Мониту, потому что большая миска ещё тёплого печенья, которую вынесла друзьям мама Жана, была встречена неподдельным восторгом.

– Итак… – с хрустом уминая печеньку, пыталась одновременно говорить Монита. – Сегодня нам подтвердили заявку на участие в «Турнире на кубок южного архипелага». Турнир любительский, но пусть это никого не обманывает: это не «Ночная лига», здесь всё гораздо серьёзнее. Участвуют несколько классов моторных лодок, скутеров. Катера и глиссеры по одному классу, но на джетглиссы заявлено больше всего команд. Спонсируют турнир крупные предприятия, спортклубы и частные центры здоровья. Фактически они же выставляют команды – для них это ещё и реклама. Нас пропустили только потому, что я знаю людей, которые объяснили, куда «уплачивать вступительный взнос». Или, если хотите, кому. И согласились назваться спонсорами. Но лишь назваться. Так что за вычетом гонорара Джозефу, покупку топлива и расходов на обслуживание глиссера денег осталось только на ставку букмекерам. Денежный приз за победу в турнире тоже внушительный, но главное, на чём зарабатывают или теряют во время турнира – это тотализатор. Ставят зрители, ставят сами игроки, ставят спонсоры. Итоговый фонд впечатляет! Жан у нас «тёмная лошадка»…

– Пони ты мой! – под общий смех друзей Анна похлопала невысокого Ранвье по спине.

– Так вот: чтобы всё удалось, наш «тёмный пони» должен порвать всех и отхватить куш. Есть идеи, как это сделать?

Игорь и Жан переглянулись. Начал Ранвье:

– Это сложная гонка: три дня заездов по несколько этапов. Каждый день аутсайдеры отсеиваются. Жёсткая конкуренция плюс необходимость баланса между скоростью и выносливостью. Нужно будет всё продумать!

– Со стратегиями не ко мне! – вскинула ладони Монита в сдающемся жесте. – Это вы люди военные, вот и планируйте атаки и прорывы. Могу взять на себя разве что психологию: я уже скинула вам всем файл с чем-то вроде досье на будущих соперников. Все пилоты имеют спортивное прошлое: либо не прорвались в более высокие лиги в профессиональный спорт, либо выбыли из него по травме или другой причине…

В ладони у Ранвье громко хрустнул и разлетелся крошками кругляшок печенья.

– Гм… По моим прикидкам, твоим главным соперником будет Пак Тосинори – пилот команды, выставляемой филиалом судоремонтного завода на Центральном острове. Филиал, по сути – опытное производство, и Пак выступает на глиссере их конструкции.

Жан помотал головой:

– Там не будет слабых соперников, а победу решат не джетглиссы. Нужно съездить на место проведения соревнований, посмотреть акваторию. Прикинуть, как действовать на каждом этапе, чтобы самому добиться успеха и максимально осложнить жизнь соперникам. Потом каждый приём отработать на тренировках. Заняться есть чем. Я уже взял отпуск на работе. У «Таракана» мы пока единственная халтура, так что всё время будем на воде или в гараже. Кстати, про напилинг: нужно будет переделать кокпит в полностью закрытый, и есть такое современное покрытие для днища, улучшает скольжение. Но это не главное. Игорь, объяснишь?

Спиркин положил браслет своего видеофона на стол, направив проектор на его гладкую поверхность.

– Смотрите. Жан уже сказал, что во время гонки понадобится баланс скорости и выносливости. В принципе, это и есть главная проблема джетглиссов, они ведь мускульно-реактивные машины, – на столе высветилась схема внутренностей глиссера, и Игорь принялся указывать на отдельные узлы. – Вот здесь рабочие камеры. На глиссере нашего класса их две. Работают поочерёдно на одно сопло. Снизу в них закачивается забортная вода, сверху через карбюратор – смесь топлива и воздуха под давлением. Когда срабатывает зажигание, воздушно-топливная смесь взрывается и толкает воду вниз. Вода ведь не сжимаема и поэтому сама по себе служит отличным поршнем для такого двигателя. И под огромным давлением эта струя устремляется в сопло, создавая реактивную тягу. Отсюда и название: «струйные глиссеры», джет-глиссеры, джетглиссы. А состязанием не только моторов, но и мускулов этот спорт делает то, что воздух в рабочую камеру качает не компрессор, а пилот при помощи насоса. В системе, конечно, есть ресивер, но его объём строго ограничен. Привод насоса чаще ножной, как сейчас на нашем глиссере. Хотя есть модели с ручным приводом. Так вот, в классе джетглиссов, который участвует в турнире, нет ограничений на принцип передачи мускульной силы к насосу. И я вспомнил одну идею отца.

– Если не руки, и не ноги, уж не надувать ли ты его собрался? – засмеялась Монита.

Игорь сменил изображение на проекторе. Сплетение тяг и рычагов отдалённо напоминало гребной тренажёр:

– Нет, шило ты моё. Идея в том, что вообще-то странно использовать только руки или только ноги. Если задействовать все мышцы тела одновременно, то пиковое давление нагнетаемого воздуха можно резко повысить. Конечно, и уставать пилот будет сильнее. Да и придётся приспосабливаться к новому механизму. Но возможность периодически получать резкий прирост скорости станет нашим козырем. Нужно только суметь им воспользоваться!

Обсуждали и спорили друзья в этот день ещё много. Уже когда поднимались к станции турботранса, Игорь спросил Мониту:

– Что за фрукт этот Тосинори? Жан говорит, что вроде раньше он часто побеждал, а потом с ним случился какой-то скандал.

– Случился, только подробностей никто не рассказывает, – пожала плечами девушка. – Пак опытный пилот и раньше регулярно побеждал в этом турнире, а из-за проблем распылился и вот уже два года не брал призовых мест. А ведь победы – это лучшая реклама для продукции предприятия, которое он представляет. Теперь все как один говорят, что в этот раз Тосинори будет зубами вырывать себе победу, иначе его просто вышвырнут из очень богатой команды. Серьёзная мотивация! Я даже видела его: колоритный мужик! Кстати, бывший военный, а я к людям в форме, как ты знаешь, неравнодушна.

Она рассмеялась, подтолкнув Игоря локтем в бок. Тот заметил:

– Ага, причём в основном, почему-то, к бывшим.

– Кстати! Как-то неудобно было тебя бередить, но всё-таки: почему тебя уволили из Патруля?

– Долго рассказывать! – махнул рукой Игорь. – Так что лучше в другой раз, чтобы не портить день. Хорошо?

– Хорошо. А если коротко рассказывать?

– Вот ты упрямица! Если коротко: я нарушил приказ.

– Зачем? – не унималась Монита.

– Затем, что поступил так, как считал правильным!

* * *

За прозрачными стенками туннеля турботранса расстилался вечерний океан. Ощущение скорости терялось, и казалось, что капсула тоже плывёт, мерно покачиваясь, по тёмной и оттого ещё более завораживающей воде.

Сумерки падали на архипелаг стремительно. Уже давно зажглись огни бакенов, и с соседнего острова разрезали сумрак лучи маяка. Сменялись целые эпохи, люди оказались заброшены даже на другую планету, а маяки по-прежнему светили мореходам, как и тысячи лет назад. Неважно, что сейчас там, кроме прожектора, есть и радар, и лидар, и пеленгатор, и куча антенн разной связи. Но если случится беда, и уповать терпящим бедствие вдруг останется только на собственное зрение, то огни маяка дадут им надежду и укажут путь. В этом водном мире, чуть более 80 лет назад ставшем спасением для терпящих бедствие посреди Галактики, маяки и надежда были нужны как никогда.

За своими мыслями Игорь не заметил, как добрался до места. Капсула мягко причалила к перрону пересадочной станции турботранса. Эта пневмопочта-переросток была из тех немногочисленных видов здешнего транспорта, что хоть как-то опирались на твердь. Авиация и суда оставались вне конкуренции, но порой шторма и шквалы напоминали, что снисходительная к людям природа Надежды всё же имеет норов. А потому между близко расположенными островами архипелага по мостам и понтонам поодиночке и небольшими караванами скользили беспилотные капсулы на два пассажирских места или одного пассажира и багаж.

К дому Ранвье Игорь отправился пешком. Хотелось, не торопясь, пройтись по вечернему холодку, успокоить мысли и нервы перед завтрашним днём.

Это даже сейчас казалось невероятным, но в первые два дня соревнований Жан действительно вышел в лидеры. У него на хвосте безотрывно висел Тосинори и упрямо атаковал. Даже иногда обходил, отыгрывая один-два этапа. Но потом Ранвье снова вырывался вперёд.

Завтра решится всё. Удастся ли отчаянная задумка Мониты? Игорю искренне хотелось, чтобы удалась. Удивительно, но эта юная девчонка, случайно и стремительно ворвавшаяся в его жизнь, многое изменила к лучшему. И в жизни его друзей тоже. Вернула веру в себя. Так что они уже в любом случае выиграли. Но оставалась ещё сама Монита, которой для исполнения её мечты нужна полная победа Жана.

Сейчас дом Ранвье скрывал скалистый склон холма. Огибая его, сначала Игорь услышал звук форсированного лодочного мотора. Удивился: неужели Жан до сих пор гоняет. Но когда внизу из за изгиба побережья вынырнул скоростной катер, понял свою ошибку. Во-первых, слишком поздно для тренировки. А во-вторых, сейчас Жану уже не на чем было бы тренироваться: пару часов назад Джо-«Таракан» отогнал их модернизированный джетглисс на арендованную лодочную стоянку – поближе к месту соревнований. А то в прошлый раз сломался буксир, и их так удачно начавшаяся затея чуть было стремительно не закончилась. Едва успели к началу заездов.

Катер между тем резко отвернул мористее и взял курс на едва видневшиеся у самого горизонта огни плавучего города. Игорь покачал головой: тянул крепкий бриз, и идти на лёгком судне впотьмах на такое расстояние, пожалуй, было рискованно.

От мыслей о катере Спиркина отвлёк явственный запах гари, который ветром принесло из-за холма. Он прибавил шаг. И с холодеющим сердцем увидел внизу на волнах зловещие отсветы – пожар. Бегом преодолел ещё сотню метров.

Аккуратный домик сына и матери Ранвье стоял у самого берега – ниже и примерно в километре от того места, где замер в ужасе Игорь. На его белых стенах сейчас плясали, отражаясь от воды, всполохи пламени. В первую секунду Спиркину даже показалось, что пылает весь дом. Но присмотревшись, он увидел: горит эллинг.

Игорь прикинул: больше километра. Даже учитывая, что бежать здесь под уклон, всё равно слишком долго. Развернулся и бросился обратно к станции. Растормошил на станции скучающую тётку-диспетчера: единственного человека в этом автоматизированном хозяйстве. Пока та вызывала по служебной линии спасательную службу, Игорь уже выхватил из стойки прокатный велосипед и припустил на нём вниз со всей возможной скоростью. Сам рискуя при этом свернуть шею на каменистой дороге, тускло освещаемой велосипедной фарой. Видеофон, поставленный на автодозвон, всё это время пытался связаться с Жаном, но бесполезно.

Игорь влетел во двор, толкнул входную дверь – заперто. В гостиной через окна виднелся свет. Побежал дальше. Задний двор уже весь заволокло дымом. Давясь кашлем, заорал:

– Жан! Жан, ты где?!

Всё понял, только когда увидел зловеще-чёрный в неровном свете пламени длинный след. Ранвье неподвижно лежал на заднем крыльце дома лицом вниз. Кровавый след тянулся за ним от самых мостков причала.

* * *

Лучи утреннего солнца проникли в окна больничного холла и разбудили задремавшего Игоря. Он открыл глаза: Анна Ярцева сидела рядом, невидящим взглядом уставившись в стену. Игорь осторожно тронул её за плечо:

– Ань, дать тебе воды? Кушать хочешь? – девушка отрицательно помотала головой. – Знаешь, ты побудь здесь пока. Скоро Джозеф придёт. А мне нужно отлучиться.

Анна вскинула на него глаза:

– Мне голос твой не нравится! Куда ты собрался?

– Я не могу позволить этому уроду победить!

Девушка схватила его за плечи, удерживая:

– Совсем дурак?! Если это действительно Тосинори, то тебя будут ждать. Хочешь с Жаном на соседней койке валяться? Или в тюрьму? Потому что теперь тебя точно посадят!

В этот момент их отвлёк звук торопливых шагов. Запыхавшийся Джо «Таракан» почти бегом пересекал холл:

– Ей, вы чего это? Что с Жаном?

– Могло быть хуже, – ответил Игорь. – Его избивали несколько человек. Врачи говорят, следы как от ударов кастетом. Он, видно, до последнего инстинктивно закрывался и этим спас себе жизнь: совсем серьёзных травм головы и внутренностей нет. Ночью его прооперировали. Пока в реанимации. Хорошо хоть маму он неделю назад отправил в санаторий.

– Скоты!

– Ты нашёл Мониту?

– Нет! – Джозеф раздражённо стукнул кулаком о ладонь. – Видеофон не отвечает, дома её нет. Послушай, я знаю Мониту с возраста, когда она пешком под стол ходила. Не могла она просто так пропасть, сегодня слишком важный для неё день! В общем, как хочешь, а я звоню её отцу!

– Подожди! – радостно прервал его Игорь, увидев на проекторе видеофона входящий вызов. – Слава Богу, Монита! Где ты?!

Вместо девушки проектор высветил голову в чёрной маске. Голос из-под неё прозвучал глухо:

– Она у нас в гостях.

– Ты кто, урод? Что тебе нужно! – от полного ярости рыка Спиркина подпрыгнула даже администраторша, дремавшая за стойкой регистратуры.

– Не надо грубить, – хрюкнул голос в аппарате, видимо под маской засмеялись. – Глиссер твой уцелел, но даже если тебе повезёт за это время найти пилота,

первым тебе не быть, понял? Иначе сам знаешь, что будет: океан большой и голодной рыбы в нём много.

Камера проехалась по внутренностям полутёмного тесного помещения, и Спиркин увидел Мониту: бледную, с испуганными глазами на пол-лица. Плечи слишком выдаются вперёд: значит, руки связаны за спиной. И всё же бедная девушка старалась держаться, не плакала. Она тихо проговорила:

– Игорь… поступай, как считаешь правильным!

Камера снова развернулась:

– Да, сделаешь всё правильно, после гонки получишь девчонку целой и нетронутой. Всё!

Игорь в бессильной ярости сжал кулаки. Рискуй он только собой, нашёл бы способ отомстить за избитого Жана, за осунувшуюся от переживаний Анну. Но Монита была в руках врага. И вроде бы понятно, что между её жизнью и её мечтой нужно выбирать жизнь. Но вот так просто отдать светлую мечту этой чудесной девушки какому-то уроду? Как поступить?!

Рядом кто-то тактично, но нарочито громко кашлянул, заставив друзей обернуться. Женщина-администратор со строгим выражением лица была явно недовольна:

– Молодые люди, вам придётся покинуть больницу! Здесь нужен покой, а вы создаёте слишком напряжённую обстановку! К тому же вас становится чересчур много: охрана сообщила, что ещё какой-то мужчина рвётся к Жану Ранвье…

У поста охраны действительно стоял неприметный парень. Но Игорь сразу оценил его цепкий холодный взгляд. Незнакомец прекрасно знал, кто ему нужен, потому что безо всякого приветствия проговорил, глядя на Спиркина:

– Дело касается гонки и одной близкой вам особы. Вас ждут здесь неподалёку в ресторане «Октопус». Вас пропустят.

И ничего больше не объясняя, развернулся и быстро вышел из здания.

* * *

В этот ранний час ресторан, естественно, был закрыт, но Спиркину и его друзьям даже стучаться не понадобилось: едва они появились в поле зрения камер над входом, как массивные двери «Октопуса» щёлкнули замками, приотворились, и метрдотель без вопросов пропустил их внутрь. Проводил на второй этаж, в отдельный… скорее небольшой зал, чем кабинет. Плотные портьеры на высоких окнах сейчас были отодвинуты, впуская в помещение нежные лучи восходящего солнца. «Октопус» находился на вершине крутого склона холма недалеко от береговой линии, и отсюда было отлично видно море.

За электрофортепиано, спиной к ним сидел крупный мужчина – единственный, кто кроме них, был в зале. Поскольку метрдотель сразу и, ни слова не говоря, исчез, то друзья направились к нему. И всё же непроизвольно замедлили шаг, останавливаясь на некотором расстоянии, словно льющаяся из инструмента музыка окружала пианиста неким барьером. У него были короткие светлые волосы, склонённая к пюпитру голова обнажала над воротником пиджака загорелую шею, и виднелись тонкие дужки простых, без аугментаторов, старомодных очков. Крепкие руки двигались размашисто, и в то же время он касался клавиш аккуратно, почти нежно, извлекая из них лирическую, светлую, немного грустную мелодию. Спиркин узнал мотив: старинный джаз, ещё одно редкое наследие покинутой Земли.

Почувствовав на себе взгляд, мужчина замер, не донеся пальцев до клавиш. Невзятые ноты словно повисли в воздухе. Он развернулся на вращающемся концертном табурете, с улыбкой поприветствовав троих друзей взмахом руки. Гораздо старше, чем им показалось вначале – скорее даже пожилой. Хотя он не выглядел старым. Свободный пиджак скрывал грузнеющую фигуру, однако под ним была легкомысленная футболка. А дальше – свободные летние брюки и удобные кроссовки. На крышке фортепиано, кстати, обнаружилась кепка с широким солнцезащитным козырьком. Скорее его можно было представить на палубе яхты, чем в приватной комнате дорогого ресторана.

Игорь взял стул и, придвинув к фортепиано, сел. Они с мужчиной встретились взглядами, некоторое время изучая друг друга.

«Нарочитый чудак», – так Спиркин определял для себя подобный образ людей, прячущих за излишне простой и даже несуразной порой внешней оболочкой что-то гораздо более глубокое. Это как фильтр от пустых людей, привыкших судить

окружающих только по тому, как они выглядят.

– Я вас знаю, – вместо приветствия сказал Игорь. – Видел в букмекерской конторе, когда мы с Монитой делали ставку. Какое отношение вы имеете к её похищению?

– И вы тоже присаживайтесь, пожалуйста! – доброжелательно пригласил мужчина остальных, кивая на столик с сервированным завтраком. – Слава Богу, никакого!

Все трое выжидательно уставились на него.

– Но мне известно, где её держат…

– Почему мы должны вам верить? – это уже «Таракан», как всегда горячится.

– А я и не настаиваю, – развёл руками мужчина и снова сосредоточил взгляд на Спиркине. – Когда вы поставили крупную сумму, я заинтересовался. Конечно, я знаю, что Ранвье вовсе не новичок, помню его гонки. Мне очень жаль, что он пострадал в этой истории. Кто-то ведёт себя совершенно неспортивно.

– Тосинори?

Собеседник потёр подбородок.

– Возможно. Конечно, заинтересован в первую очередь Пак, но не обязательно он сам затеял эту опасную игру.

– Откуда вы знаете всё, что произошло, где Монита, а главное: каков ваш интерес? – настойчиво спросил Игорь.

Мужчина с некоторым пренебрежением махнул рукой:

– Я уже много лет занимаюсь организацией гонок, ставками и прочим. Это напоминает живой организм, и когда ты сам долго существуешь как его часть, начинаешь ощущать симптомы опасности. Я понял замысел вашей девушки. Удивился, как ей повезло встретить подходящих людей. Догадывался, что

нездоровая ситуация и, прямо скажем, не лучшие люди вокруг Тосинори могут доставить проблемы. За всеми вами присматривали. К сожалению, вовремя вмешаться и предотвратить эти самые проблемы мне не удалось.

– Вы так и не ответили, зачем вам всё это нужно! Вы всё равно получите свой процент от сборов.

– Да, деньги я получу в любом случае. Но деньги не могут быть самоцелью. Странно, что люди так и не поняли: за деньги нельзя купить, например, новую планету, – мужчина на мгновение отвернулся, чтобы закрыть фортепиано. – Скажите, вы знаете, что такое конвергенция?

– Сближение, сходство. Ещё в детстве отец рассказывал мне, что совершенно разные живые организмы в одних условиях среды становятся схожи: как рыбы и морские млекопитающие. Но при чём здесь…

– У людей точно так же! Всё зависит от условий среды, в которой они оказываются. И если мы строго следим за соблюдением правил, и все участники об этом знают, они будут следовать этим правилам, независимо от своих внутренних моральных качеств. Но как только мы позволим обман и хитрость… Знаете, у каждого есть своя мечта, своя страсть. Моя страсть – водно-моторный спорт. И я хочу, чтобы он оставался спортом, честным состязанием. Я получаю от этого удовольствие! И мне не нравится, когда кто-то подменяет состязание интригами и подлостями.

Он выпрямился на табурете:

– Время идёт. Решайте сами, как поступать. Есть небольшой необитаемый остров Карьерный. Там заброшенные выработки и бывшее здание конторы. Вашу девушку увезли туда. Знаете, где это?

– Я знаю, – поднялась со стула Анна.

Игорь тоже вскочил:

– Я с тобой!

Но она развернулась, практически оттолкнув его выставленными вперёд ладонями:

– Это дело для нас, для полиции. А ты сейчас только одним можешь помочь Мните!

Игорь переглянулся с механиком. «Таракан» понимающе кивнул.

* * *

Старый, ещё в военном училище наработанный приём: методично прогонять в уме собственные предстоящие действия. Шаг первый, шаг второй, шаг третий – когда алгоритм знаком, это заставляет успокоиться. А ничего другого и не остаётся – тут Анна права. Даже всегда суетливый Джозеф необычно спокоен: вместе с Игорем сосредоточился на отработанных до автоматизма процедурах предстартовой подготовки.

Никогда в жизни в других условиях Игорь не согласился бы сесть в кокпит глиссера под насмешливыми взглядами команды Пака и сочувственными – других гонщиков. Все уже в курсе, что случилось с Жаном, и у букмекеров творится вселенский ажиотаж. Победителем гонки, по общему убеждению, станет Тосинори.

Но помимо победы оставалось ещё кое-что… Ради чего стоило попытаться отбить хотя бы часть денег. Игорь уже прикинул: если не просто продать переделанный по идеям отца джетглисс, а заключить контракт с судостроительной фирмой на передачу патента, вместе с призовыми всё же должно хватить для замысла Мониты. Но для этого нужно доказать эффективность конструкции, а значит – не психануть и не облажаться вконец.

Шансы на что-то большее Игорь оценивал трезво. Да, он немало времени провёл за штурвалом перестроенного глиссджета. Не столько, конечно, сколько Жан. В их паре Игорь был скорее чем-то больше, чем штурман. В полуночных спорах до хрипоты он старался свести воедино спортивные тактики Ранвье с техническими возможностями усовершенствованной машины. Джо «Таракан» нащупывал теоретические пределы этих возможностей на стенде и компьютерной модели. И часто Игорь сам брался проверить его рекомендации за штурвалом. Потом они корректировали настройки и снова пробовали глиссер на ходу. Раз за разом,

доходя уже до собственного предела, когда даже во сне Игорь начинал видеть гоночную акваторию. И просыпался в холодном поту с криком ярости и отчаяния, потому что ему чудилось, что он снова «запорол» движок или улетел за бакены ограждения.

Да, он знал сегодняшнюю трассу наизусть, знал все оговорённые тактики прохождения. Но знал и ещё одно: он не Жан. Можно в совершенстве владеть теорией плавания, но утонуть в луже.

Уже сидя в кокпите, Игорь позволил Джозефу последний раз проверить крепления ремней и шлем с системой защиты позвоночника:

– Если не можешь победить, то хотя бы покажи, что не сдался! – напутствовал тот Игоря, захлопывая фонарь.

Кивнуть в таком шлеме было проблематично, поэтому Игорь просто показал механику большой палец.

Вывешенный на длинных растяжках светофор чуть покачивался от ровного лёгкого бриза. Уже хорошо: ветер не будет мешать. Красный сигнал… Рука к щитку стартера. Заставить себя не смотреть туда, где с первого ряда стартует глиссер Тосинори, напряжения и так хватает.

Зелёный!

Двигатель, взревев, толкает глиссджет вперёд, словно игрушку. Горизонт подпрыгивает, и наступает лёгкое ощущение зыбкости: выход на глиссирование. Не увлекаться, выбрать резерв ровно настолько, как это было рассчитано после долгих споров и экспериментов. Сейчас всё нужно делать так, как было рассчитано заранее.

Тосинори сразу пытается уйти в отрыв. Жан бы, скорее всего, ему этого не позволил. Но Игорь пропустил Пака вперёд. Пусть думает, что всё идёт по его плану, тем более что от Игоря никто не ждёт чудес. И всё же он сумел удержаться в формирующейся группе отрыва. Манометр ресивера, правда, при этом упал почти к нулю. Так что теперь предстоит попотеть. Растягивать систему приводов насоса на максимальной нагрузке – всё равно, что приседать со штангой, много в таком состоянии не науправляешь. Поэтому сейчас нужно

качать во взрывном темпе: воспользоваться относительно ровным участком трассы.

Бессонная ночь успеху не способствовала: пот лил ручьём, и мембрана любительского комбеза с его отводом не справлялась. Нормальный комбинезон, подогнанный под Ранвье, был Игорю мал. И всё же к моменту входа в каскад виражей он прочно утвердился в «отрыве» третьим. Теперь максимум внимания на управление. И на дыхание, потому что нужно суметь восстановиться к следующему «спокойному» этапу.

Да, именно так: слушать своё дыхание. И стараться ни о чём другом сейчас не думать. Отключив ручные тяги, Игорь «наддавал газу», задействуя только мышцы ног и кора, то есть чуть больше чем на половину мощности системы. Всё равно это позволяло добиться хорошей динамики в поворотах, экономя запас в ресивере. Никакого толкового плана у него не было, так что оставалось только наблюдать за борьбой вырвавшихся вперёд Тосинори и пилота, представлявшего частную команду крупной сети клиник индивидуального здоровья. Последний пытался атаковать, на что Пак отвечал резко и агрессивно. На общем канале рефери был вынужден сделать ему замечание, и тот убавил пыл, но и его конкурент старался больше на рожон не лезть. Своё второе место он, видимо, считал обеспеченным: Спиркина они со счетов уже списали. Но и пелетон отстал достаточно, чтобы Игорь не опасался атаки. Так они и подошли ко второй половине дистанции слегка растянувшейся тройкой.

А дальше Игорь начал хитрить. Постепенно сократив расстояние до идущего вторым глиссера, он «поймал» зону разреженного воздуха позади него. Двигаться здесь было легче за счёт того, что глиссер не тратил энергию на преодоление воздушного потока. Тосинори своего преследователя в эту «зону комфорта» предусмотрительно пускать не хотел, вилял, и они оба так увлеклись маневрированием, что «второй номер» слишком поздно заметил Игоря у себя на хвосте.

Атака… Противник на секунду оказывается сбит с толку, и этого достаточно, чтобы Игорь вырвался на вторую позицию. Теперь уже они «танцуют», стараясь не давать друг другу преимущества. Пак – на некотором расстоянии впереди – спокойно продолжает гонку. Впереди последний опасный правый вираж перед финишной прямой. Здесь участок огорожен «с запасом», и пытаться войти в него можно с внешней или внутренней стороны трассы в зависимости от тактики. Тосинори, похоже, настроился на более простой вариант – он уже уверен в

победе.

– Игорь! – неожиданно оживает рация резким возгласом Джозефа.

– Не ори! – почти сквозь зубы выдавил Игорь вместе с тяжёлым дыханием.

Джо, похоже, его и не расслышал:

– Игорь, Монита у нас! Слышишь?! Анна вытащила её!

На входе в вираж он с Паком почти сравнивается в позиции, потому что тот замедляется у внутренней кромки. Игорь же, балансируя на опасной скорости и рискуя улететь за бакены, выходит на внешний обвод.

«Теперь я сумею, отец…»

Он резко меняет галс, отворачивая вправо. До хруста связок, до хрипа и пены на губах выжимая привод насоса. Ещё и ещё раз. Уже виден ярко обозначенный створ финиша впереди, но где Тосинори? Перегруженные мышцы и лёгкие скручивает боль, но Игорь рвёт тяги как в последний раз. И только когда растяжки финиша мелькают, пролетая мимо, до него, наконец, доходит смысл того, что кричит вне себя от радости в рации «Таракан»:

– Тосинори ошибся на выходе из виража… Слетел с трассы! Ты первый, Игорь!

* * *

Прощались они на набережной возле спортклуба, где Монита впервые предложила Игорю участвовать в гонках. Кто бы знал, как всё обернётся потом.

– Наверное, в космосе мне будет не хватать океана.

– Ты увидишь, как они похожи, – уверенно сказал Игорь. – Там такое же ощущение глубины и невероятной стихии. И ещё космическая техника и архитектура похожи на подводные.

Они надолго замолчали, пряча глаза. Когда Игорь пытался насмотреться, запечатлеть в памяти нежный образ девушки, Монита неотрывно глядела на океан. А когда он поворачивался к заливу, то краем глаза видел, как она смотрит на него. Он знал, что сейчас, как всегда в минуты душевного волнения, Монита морщит лоб и на нём пролегают две вертикальные складочки. И в какой-то момент Игорь не выдержал, развернулся, взяв лицо девушки в свои ладони. Нежно провёл по её лбу пальцами, словно пытаясь вместе с этими складками разогнать тяжёлые мысли. Он уже набрал воздуха, чтобы заговорить, когда прохладные тонкие пальцы девушки накрыли его губы:

– Только не говори ничего! Не обещай и не объясняй, а то всё станет слишком сложно… Ты подарил мне мечту! И это что-то невероятное! А мне даже нечем тебя отблагодарить…

Игорь чуть двинул головой, добираясь губами до кончиков её пальцев:

– Мне просто повезло тогда. Нам всем. Тосинори ожидал, что я поддамся. А когда всё понял, психанул. И проиграл. А вот ты, поверь, сделала для меня очень много! Даже сама не представляешь, сколько.

– Вон твои друзья идут…

Игорь проследил взгляд Мониты: Анна и Жан приближались к ним по набережной. Ранвье ещё не до конца восстановился, одна рука висела на перевязи, но не в его характере было валяться на койке.

– Разве не «наши друзья»?

Монита чуть пожала плечами:

– Ну да. Только я же чувствую, что так и не стала совсем своей для них. Просто дерзкая девчонка, которой круто повезло. А вот Жан из-за меня едва не погиб.

– Жан теперь почти поправился, и ему уже поступило несколько предложений из разных команд и клубов. Так что после реабилитации он вернётся в спорт, а для него это мечта всей жизни. И эту мечту ему вернула ты. И ты изменила каждого из нас. В лучшую сторону!

– Я раньше всего боялась. А с тобой перестала. Так что это сначала ты изменил меня, – она с неохотой расцепила объятия. – Отпусти меня. А то ещё немного, и я разревусь, а мне не хочется, чтобы ты запомнил меня зарёванной и страшной.

– Я запомню тебя самой красивой девочкой Надежды. Красота которой была только лишь началом всего прекрасного в ней.

– Я пойду…

– Иди. Я посмотрю на тебя отсюда…

Он смотрел, как хрупкая фигурка девушки поднимается по лестнице на бульвар. Сзади неслышно подошли Жан и Анна:

– Она ведь нравится тебе?

– Посмотри на неё: разве она может не нравиться? Она же настоящая мечта. Не в смысле мечта мужчины, хотя и это тоже. Она воплощённая мечта – порыв, стремление к чему-то.

– Почему тогда ты отпускаешь её?

Игорь покачал головой:

– Потому что её мечта не я. Знаешь, можно победить в бою, можно выиграть гонку, или всё проиграть. Только в любви нельзя победить или проиграть. Нельзя получить её как приз.

– Сильных любят всё же больше. И победителей.

– Сильных любить легко. Гораздо сложнее любить так, чтобы делать кого-то сильнее. А победы…. Тосинори страстно желал победить, а что из этого вышло? И зачем нужна такая победа…

Монита обернулась на верхней ступеньке лестницы, и прежде чем исчезнуть из виду, помахала им рукой…

На краю Вселенной, в переливах дней

Стань моей надеждой, песней будь моей.

А по твоим венам медленно стекает ночь.

А на твоём небе звёзды говорят в ответ.

Семь шагов до неба, дальше неизбежно прочь.

Быть бы ещё с теми, легче будет с кем рассвет…

(Сергей Дворецкий, гр. «Магелланово облако»)

Заложники

Орбита газового гиганта Гефсимания-6, борт космического транспортного судна «Харон» (порт приписки – Лада-3-Орбитальная)

408 год после Исхода

– А я ведь предупреждал!

– Ну, дядя, – почти прохныкала Хелен, – если бы не эта гравитационная аномалия, то всё бы получилось! Её ни в одной базе нет. Я же не виновата!

Михаэль Лонгрэн провёл рукой по ёжику седых волос и всё ещё ворчливо сказал:

– Вот и нечего было экспериментировать. Рейс коммерческий: тут чёткость нужна, расчёт. А теперь вообще непонятно как выбираться, и насколько мы

застрянем.

– Ничего и не застрянем! – тонкие пальчики Хелен запорхали над панелью мовисенса[2 - устройство для управления компьютерами, техникой посредством команд, отдаваемых жестами кисти руки. В отличие от тачпада/тачскрина не требует прикасаться к нему, а воспринимает движение в трёхмерном пространстве, что даёт большее разнообразие команд], словно исполняя этюд аллегретто. – Я пересчитала параметры с учётом аномалии. До ближайших Врат «допрыгнем» без проблем. А там уже выйдем на стандартный маршрут. И станцию успеем обследовать.

– А кто тебе сказал, что мы собираемся в неё лезть? – перебил её молодой мужской голос.

– Дэв! Ты чего! Это же древняя станция! – обернувшись к вошедшему на мостик парню, Хелен моментально насупилась. Почти как ребёнок, которому не купили приглянувшуюся игрушку.

– Вот и нечего там делать, – кивнул Лонгрэн, поддержав мнение второго пилота. – Как прибудем на место, сообщим координаты дежурному офицеру Патруля. Пусть специалисты с этим разбираются.

– Но дядя!

– Хелен, хватит! – Михаэль рубанул воздух ладонью. – Если не забыла, мы тут по твоей вине.

Раздосадованная девушка опрометью выскочила с корабельного мостика. Да, конечно, она была виновата в том, что их транспортник сбился с маршрута. Подвела самоуверенность: захотела сократить время полёта и проложила путь в обход привычной системы Врат. И ведь всё должно было сработать, если бы не подвернулась эта неизвестная аномалия. Даже опытный Лонгрэн вряд ли ожидал такого, потому и злился сейчас не столько на племянницу, сколько на себя самого. Хелен уловила это в его голосе.

Она сама не заметила, как забрела в пустую кают-компанию. Бронежалюзи были сдвинуты, и за покрытым тонкой сеткой бронестеклом открывался вид на вихрящуюся атмосферу газового гиганта Гефсимания-6. А впереди по курсу и

чуть ближе к планете, застыв на равных орбитальных скоростях с транспортником, плыл овоид неизвестной станции: полуторакилометровое «яйцо».

– Харон! Дай изображение на максимальном приближении. Фокус на уровне наибольшей окружности.

Золотистая сетка противолучевой защиты, придававшая красивый «шоколадный» оттенок космическому пейзажу, потемнела. Купол утратил прозрачность, закрывая вид на станцию. Но в следующий момент она проявилась вновь и стремительно начала увеличиваться в размерах – это ИскИн[3 - ИскИн – искусственный интеллект, в рассказе под этим словом понимается электронный информационно-вычислительный комплекс, способный к выполнению сложных творческих функций и принятию не заложенных заранее (не программируемых) решений без участия человека-оператора] вывел на купол проекцию с бортовых телескопов. Поверхность станции медленно плыла слева направо в поле их зрения: повиснув тупым концом к планете, «яйцо» медленно вращалась вокруг своей оси. И это был единственный признак того, что станция жива. Ни на радиозапросы, ни на светосигнализацию она не отвечала.

Когда-то яркая красно-оранжевая облицовка станции успела потускнеть. При большом увеличении её поверхность напоминала шкуру старого зверя: в сколах, трещинах, рытвинах от многочисленных встреч с метеоритами.

– Харон, ты фиксируешь это в своих видеоархивах?

– Разумеется!

Поначалу мрачное имя транспортника пугало Хелен, когда она взошла на его борт ещё подростком, оператором кибер-систем. В своей прошлой жизни он служил вспомогательным кораблём военного космофлота, и бог весть, что ему приходилось перевозить тогда. Может быть, даже выполнять задачи госпитального судна или «чёрного тюльпана», доставлявшего тела погибших солдат и пилотов. Когда после «капиталки» борт передали гражданскому флоту, все базы фактических данных затёрли, никаких сведений о его военном прошлом не осталось. Но ИскИн «Харона» сохранил свои функции и отличную срабатываемость с экипажем. Это как у человека, внезапно потерявшего память, сохраняется его характер и навыки. Так что Хелен, вернувшись спустя несколько

лет учёбы уже астрогатором[4 - тем, кто читал С. Лема, понятно, что это звёздный навигатор; в данном случае – специалист на космическом корабле или судне, отвечающий за движение через подпространство], и обнаружив виртуозную способность Харона[5 - написание без кавычек подразумевает имя ИскИна, а такое же название транспортного судна в тексте заключено в кавычки] к просчитыванию подпространственных прыжков, прямо таки прикипела к нему душой и набралась опыта. Вот только в этот раз опыт их всех подвёл.

– На поверхности станции видны сохранившиеся маркировки. Можешь идентифицировать, используя твои базы данных?

– В моих локальных базах сведений недостаточно. Требуется подключение к терминалу Сети. Это можно будет сделать в космопорту пункта назначения.

– Так то ещё когда будет, – разочарованно протянула девушка и тут же хитро улыбнулась своим мыслям. – Харон, повысь критерий возможной ошибки до 50 процентов и проведи многофакторный анализ по всем базам.

Она знала, что память сильных корабельных ИскИнов, основанная не нейросетях, напоминает человеческую. Данные в ней накапливаются множеством слоёв, обрастают ссылками и ассоциативными связями. Фактически её нельзя полностью стереть, не разрушив функциональность системы в целом. И Хелен хотела попытаться задействовать эти скрытые слои.

После нескольких секунд молчания отдающий компьютерными нотками голос Харона сообщил:

– Вероятная дата постройки станции находится между 315-м и 325-м годами. Другие сведения не найдены.

– Боже! Да это почти сотня лет! – выдохнула Хелен.

– О! Интимненько у тебя тут! – в полутьме кают-компании (подсветка погасла, когда включились проекторы) Дэвид приобнял девушку сзади.

Хелен осталась стоять, скрестив руки на груди, но плечи её под ладонями парня напряглись.

– Ты предатель!

– Эй-эй! Полегче, малышка! – он обнял её крепче. – Ты хотела посмотреть станцию, ты её увидишь!

– Но ты же сказал…

– Я просто потрафил твоему старику, чтобы он был сговорчивее. Нам придётся, – Дэвид нажал на это слово, – высадиться на станции для ремонта. После неудачного прыжка отказал селероид правого борта. А без него можно потерять половину контейнеров на внешней подвеске.

– Ну ты и жук! – хихикая, Хелен сделала вид, что пытается освободиться из его объятий, но на деле прижалась лишь теснее.

– Я хитрожопый молодец! – довольно усмехнулся Дэвид, нежно чмокнув её в аккуратное ушко с изящной «улиткой» костного микрофона[6 - гарнитура связи с наушниками, основанными на костной проводимости звука. Хорошо подходит для постоянного ношения, т.к. не мешает восприятию внешних звуков и, в то же время, более устойчива к посторонним шумам. Является частью системы реализации «дополненной реальности»]. – Кстати, ты ещё не говорила со стариком о нас?

Хелен снова погрустнела:

– Нет, Дэв. И не буду, по меньшей мере, до его Дня Рождения.

– Но Хэл!

– Нет! И не настаивай! – она всё таки выскользнула из его рук и повернулась лицом, упрямо наклонив голову и нахмурившись. – Надо же подумать и о нём. Компания поздравит его с юбилеем, объявит ветераном и тут же торжественно отправит на пенсию. Уже точно: мне девчонки из кадрового разболтали. Так что это у него последний рейс, а потом – в лучшем случае орбитальный пакетбот. А у

нас с тобой всё впереди.

– Ладно, – уступил её напору Дэвид. – А по поводу… Ну, ты понимаешь… Тоже ещё не думала?

Хелен молчала так долго, что Дэвид не выдержал и, сделав каменное лицо, уже намеревался уйти. Девушка в последний момент шагнула к нему, положив ладони на плечи, а головой склонившись на плечо:

– Дэв, пойми и меня. Мне не по себе! Я представляла всё немного иначе. Твой контракт точно не может подождать?

Тот дёрнулся, отстраняясь, и аж зарычал от негодования:

– Хэл! Мы ведь уже говорили об этом! Это наш контракт! Наш! Ясно тебе? И это – наше будущее! Или ты хочешь закончить как твой старик, всю жизнь горбатясь на транспортную компанию?

– Мне страшно, Дэв! – у неё на глазах навернулись слёзы. – Я не хотела бы так…

Парень вздохнул, мягчея, и снова привлёк всхлипывающую девушку в объятия. Погладил её ласково по огненно-рыжим волосам.

– Феникс ты мой… Хэл, послушай: это не страшно и не больно, стандартная процедура в стационарной медицинской капсуле. И потом у тебя… У нас! У нас ещё обязательно будут дети. Столько, сколько хочешь! Хорошо, малышка?

Мужчина попытался заглянуть ей в глаза, но в этот момент оба они непроизвольно вздрогнули, когда неожиданный сигнал общекорабельной связи противно зажужжал в их костных микрофонах:

– Ну и куда вы делись, голубки? – голос капитана не предвещал ничего хорошего. – Я на это тухлое «яйцо» один высаживаться буду?

* * *

Такое было возможно только с колонизационной станцией класса «Ковчег»: не перелететь на шаттле и даже не стыковаться на внешний рейд, а прямо на транспортнике зайти в док. По сравнению с полуторакилометровой махиной немаленький – как-никак 88 метров – «Харон» выглядел игрушечным.

Заход в док был нужен для ремонта, но Лонгрэн привык стыковаться к кран-пирсам обычных космопортов и потому сейчас хмурился и нервничал. Переживал, удастся ли ИскИну провести процедуру как нужно, да ещё и в одностороннем порядке. Потому что на их запрос об экстренной посадке в связи с повреждениями станция, прервав странное безмолвие, всё же отозвалась положительно – но только сигналом автоматического диспетчера. Основной ИскИн Ковчега продолжал отмалчиваться.

Однако же всё прошло штатно и вполне спокойно. Активировав внешние камеры, экипаж «Харона» с интересом всматривался во мрак колоссального дока, едва разгоняемый мощными прожекторами транспортника. Насколько можно было судить, все челноки, предназначенные для высадки колонистов, находились на местах. Значит, станция своей точки назначения так и не достигла, застыв теперь на орбите газового гиганта.

– Харон, запроси посадочный рукав! И вот что: сразу, как мы выйдем, запусти, но не начинай процедуру расстыковки. Понял?

– Должен уточнить, что это приведёт к автоматической расстыковке посадочного рукава.

– Вот именно! И в случае чего сможешь удрать отсюда на форсаже. Если прервётся связь со мной, руководство переходит к Хелен. Однако я запрещаю тебе позволять ей покидать борт. В случае её попыток к этому заблокируй соответствующие системы.

– Слушаюсь, капитан! Однако, должен напомнить, что при возникновении нештатной ситуации и подтверждении вашей гибели, я обязан буду полностью переподчиниться старшему астрогатору Хелен Лановэр и выполнять её прямые приказы в точности.

Пока Харон произносил эту длинную формулировку, Михаэль набычился, потом зло покосился куда-то в сторону и пробормотал:

– Не каркал бы, зануда электрическая!

Он бросил быстрый взгляд на Хелен. Та же, наоборот, смотрела на него, не отрываясь, широко раскрытыми от удивления глазами:

– Дядя! Ты чего, хочешь сказать, что я останусь на «Хароне»?

– Да! – закипая, рявкнул Михаэль. – И не вздумай спорить! Мы совершенно не представляем, что произошло на станции, так что это не прогулка, а разведка. Кто-то должен остаться и страховать нас с Дэвидом отсюда.

– Но почему я? – проканючила Хелен, уже понимая, что от неё, хрупкой девушки-астрогатора, толку в разведке действительно никакого.

Глядя на её поникшую фигуру с опущенными плечами, Михаэль всё ещё немного ворчливо, но уже гораздо мягче произнёс:

– Прекращай вести себя, как ребёнок, Хелен, и прикрой нам спины.

* * *

– Ну, что там, парень? – Михаэль заглядывал через плечо Дэвида, возившегося с компьютерным терминалом.

Они находились в контрольном карго-посту – небольшой, остеклённой со всех сторон кабинке, выпирающей из стены дока высоко над полом.

– Ничего… Вернее ничего существенного: радиация в норме, температура тоже. Если на станции и произошла авария, то сюда её последствия не проникли.

– Это нам и так известно по данным сенсоров «Харона». Что ещё? И вызови, наконец, здешнего ИскИна!

– Не получается! – Дэвид машинально попытался почесать затылок, но наткнулся на шлем, и так же машинально протёр линзы фонарей на нём.

– Не три. Пыли тут нет.

– А? Да-да. Сервоботы работаю исправно. Ведут текущий ремонт, и даже пыль убирают. Но это похоже на работу автономной нервной системы у человека: дышим, ведь мы, например, не задумываясь.

– То есть такое возможно? А починить «Харона» сервоботы, «не приходя в сознание», тоже могут?

– Нет, – Дэв покачал головой, но тут же вспомнил, что этот жест в скафандре тоже виден ему одному. – В отсутствии управления ИскИна роботы пользуются набором стандартных программ. Они могли бы починить колониальный челнок из ангара Ковчега, но конструкция нашего судна им не знакома. Так что ремонт невозможен.

– А если переподчинить сервоботы Харону?

Дэвид снова склонился к терминалу, но спустя несколько минут со вздохом разогнулся:

– Нет. Без команды ИскИна станции не выйдет.

– Да твою ж мать!

– Эй! С вами там всё хорошо? – напомнила о себе Хелен звонким голоском в их костных микрофонах.

– С нами да, а вот «у нас» не очень, – ответил ей дядя, уставившись в остекление кабины. «Харон» внизу светлым пятном выделялся во мраке, рассеивая его габаритными огнями и несколькими прожекторами. Луч одного из них вдруг вздрогнул и стремительно метнулся по стене, пока не упёрся в карго-пост. Михаэль прикрылся рукой от яркого света.

– Хелен! Хватит дурачиться!

– Эй, Дэв! Я тебя вижу. Хоть рукой помаши!

Парень смущённо оглянулся на капитана, разведя руками. Потом всё же помахал в сторону транспортника, заставив качнуться резкие тени в пучке света.

Лонгрэн вдруг пробормотал:

– Помаши рукой… – и направился к выходу из поста. – Жди здесь!

Спустившись на лифте, он вскоре уже был на дне дока. Хелен распознала его в тепловизор и снова подсветила прожектором. На этот раз Михаэль не одёрнул племянницу, позволяя той сопровождать себя лучом, и внимательно осматриваясь по сторонам.

Здесь тоже было чисто, ни следа пыли. Оборудование убрано в ниши. Выпирающие кое-где станины обозначены черно-жёлтыми предупреждающими окантовками.

В одном месте Михаэлю на глаза попался такой же «осиный» люк, но дополнительно обведённый широкой красной полосой. На самом люке была предупреждающая надпись.

«Системы внутренней обороны», – машинально отметил мужчина про себя. Факт наличия в двух шагах смертоносного железа на выдвижной турели не слишком его побеспокоил. Больше волновало то, как настроена программа этого автономного убийцы, лишённого сейчас центрального контроля.

Проходя мимо противопожарного щита, Лонгрэн вынул из креплений небольшой, но увесистый лом. Так себе оружие против турелей, равно как и выпирающий в кобуре на бедре ручной паллер[7 - компактный лазерный лучемёт (импульсно-лучевой пистолет), используется как табельное оружие сотрудниками правоохранительных служб и экипажами невоенных космических судов]. Впрочем, лом ему был нужен в других целях.

Спустя какое-то время он, наконец, обнаружил то, что искал: раздвижные створки метра полтора в высоту. Рядом ещё одни такие же. Словно ворота гаражей для очень маленьких мобилей.

– Дэв, слышишь меня?

– Да, кэп!

– Краны-то хоть здесь работают? – спустя минуту, вспыхнув жёлтой мигалкой, далеко наверху ожила кран-балка. – Отлично! Спусти мне сюда какой-нибудь ящик со склада.

– Ящик?

– Да. Что-то не очень габаритное.

Ему пришлось подождать, пока Дэвид разберётся с ручным управлением. Наконец, захваты опустили рядом с Лонгрэном полимерный контейнер примерно полметра на полметра на полтора. Два человека могли бы довольно свободно его нести, для чего по бокам были выдавлены несколько углублений-ручек.

Вздохнув, и произнеся сакраментальное:

– Против лома нет приёма, – Михаэль всадил фомку в герметизирующий шов. В два приёма с треском отодрал крышку. Внутри под плёнкой тускло блеснули брикеты размером с кирпич.

– Дэв? Ты долго думал, прежде чем спустить мне стандартные пищевые рационы?

– Да взял первое попавшееся. Их тут на складах как грязи. А в чём дело-то?

Промолчав и только вздохнув, Михаэль разорвал плёнку и начал разбрасывать сублиматы длительного хранения в разные стороны. В гарнитуре связи было слышно, как хмыкнул Дэвид, а потом залилась смехом Хелен:

– Дядя, я тоже так хочу!

– С едой не играют, девочка. Так что если по возвращении я найду кухню в беспорядке, то твоей попе не сдобровать. И я не посмотрю, что ты считаешь свою попу ужасно взрослой!

Хелен расхохоталась было ещё больше, но вдруг осеклась, заметив движение рядом с Лонгрэном. Две пары створок в стене разошлись, и из ниш выехали сервоботы. Вернее выехал только один, и тут же отправился подбирать разбросанные капитаном брикеты. На пути второго стоял Михаэль. Сервобот попытался объехать его, но не сумел: он лишь до половины высунулся из своей ниши и был стеснён в движениях. Робот уставился на человека глазками камер, забавно шевеля антеннами, и пытаясь подобрать подходящий алгоритм действий.

Михаэль в это время торопливо набирал что-то на мовисенсе инженерного планшета. Потом развернул экран к сервоботу:

Внимание

Контакт

Дважды подними и опусти рабочие манипуляторы

Сфокусировав камеры и помедлив мгновение, робот поднял многопалые захваты. Опустил. Потом повторил всё ещё раз. Со стороны выглядело как нечто среднее между поклоном и жестом угрозы. Михаэль удовлетворённо хмыкнул, быстро стирая строчки и нанося новые:

Приблизься к стене

Напиши имя управляющего искусственного интеллекта

После чего отступил в сторону, позволив, наконец, роботу выехать из ниши. Тот резво развернулся на месте, по-крабьи боком сместился в сторону и извлёк из-под панциря сварочный пистолет. Пыхнуло пламя, мгновенно уменьшившись до минимального, и сервобот быстро начал водить им по стене.

– Дэвид! Запроси ИскИна из внутренней сети. Попробуй обращение… – и он продиктовал выжженное на гладком металле длинное буквенно-цифровое сочетание.

– Есть контакт! – с радостным удивлением в голосе воскликнул Дэв. – ИскИн отозвался.

Михаэль между тем показал роботу ещё одну команду. Прочитав, тот снова задвигал сваркой. Ещё дымящиеся буквы сложились в одно слово.

– Грэн! Его зовут Грэн!

* * *

Когда наладили контакт с «глючно»-молчаливым ИскИном стации, Дэву всё же удалось запустить ремонтные программы. Правда, пришлось ещё снять часть грузовых контейнеров с пилонов правого борта «Харона». Только после этого вокруг транспортника, наконец, начали свой молчаливый танец ремонтные сервоботы, краны и огромные манипуляторы. Процесс затягивался, и экипаж вдруг оказался в состоянии вынужденного безделья. Устав смотреть, как Хелен мается от скуки, а вокруг неё вьётся Дэвид, Лонгрэн не выдержал и изменил своё первоначальное решение не соваться дальше ангарной палубы Ковчега.

Впоследствии он не единожды корил себя за это. Но после того как загадочный Грэн начал отзываться на команды, а значит, должен был пропустить людей на станцию, желание провести хотя бы поверхностную разведку казалось естественным. Если и не выяснить причину, почему станция не добралась до места назначения, то хотя бы оценить внутреннее состояние. Наконец, узнать, что стало с капсулами анабиоза экипажа и хранилищем генетического материала, которое точно должно быть на любом Ковчеге такого класса.

Просто запросить эти сведения у ИскИна станции не удавалось. Дэвид в кои-то веки попросил Хелен удалиться, потому что уже не мог сдерживать матерный рык, который вызывали у него бесконечные отказы в доступе. Стоило лишь немного углубиться в базы данных, как он натыкался на непроходимые сбои. Длинно и замысловато выругавшись в очередной раз, Дэвид сказал капитану:

– Либо этот глючный врёт, как интендант военного космопорта перед ревизором, либо часть носителей данных повреждена физически!

– Как ИскИн может врать? – не понял Лонгрэн.

– Не знаю. Но как могут пропасть данные в нейросистеме, я тоже не знаю. Там же что-то вроде аналога коры головного мозга. И она раскидывает разные составляющие информации в разные отделы памяти. Что-то дублирует, связывает с другими сведениями. Это единая система, которая восстанавливается даже после частичного повреждения. Вон, Харон, до сих пор своё военное прошлое помнит!

– Ты навыки и фактические данные не путай. Базы-то у Харона как раз подтёрты. Да и с человеческим мозгом, бывает, амнезия случается. Мне вот, помню, однажды так по шлему автоключом прилетело, когда во время работ на корпусе он у кого-то из раздолбаев-монтажников от фала отцепился и «уплыл». Очнулся, а что было, и чего я в медотсеке забыл, вспомнить не могу. Еле медиколог меня утихомирил, когда я от него сбежать норовил и всё доказывал, что на смену опаздываю…

Михаэль, спохватившись, замолк. Постеснялся, что становится по-старчески многословным. Дэвид уже открыл было рот, чтобы что-то ответить, но передумал. Так, в минуту общего молчания и родилась простая мысль: пройти в жилые отсеки Ковчега и посмотреть всё своими глазами.

– Только без фанатизма! – заранее предупредил Михаэль.

Больше всех идея не понравилась Хелен. Не сама по себе как таковая, а отсутствием в ней роли старшего астрогатора. Девушку опять намеревались оставить на борту транспортника.

– Мне же в конце концов страшно тут одной будет! – привела она последний слабый аргумент. Все прочие уже разбились о железную логику дяди.

– Займёшься своим любимым делом: будешь болтать с Хароном. Заодно присмотришь за ремонтом.

По лицу Дэвида растеклась хитро-сладкая ухмылка: мол, знаем, с кем больше любит болтать последнее время дочь капитана. Но Лонгрэн поймал его взгляд и нахмурился так, что парень предпочёл напустить серьёзный вид и начал перепроверять соединения скафандра.

– Не понимаю я ничего в ремонте!

– Харон понимает. Зато я буду знать, что ты в безопасности, а не заблудилась где-нибудь внутри этого сбрендившего «яйца», – отрезал Лонгрэн.

– А если вы заблудитесь? Связи-то с внутренними отсеками станции нет!

Тут снова вмешался Дэвид:

– Это снаружи нет. Попадём внутрь, попробуем найти командный терминал и с него уже заставить ИскИн наладить связь с «Хароном». В крайнем случае, через полчаса кто-то вернётся к шлюзу и отсемафорит тебе.

Так, слегка переругиваясь, и готовились к разведке.

* * *

Огромные бронированные створки биозащиты, ведущие в шлюзовой зал, они трогать не стали. Несколько таких залов в нижней части станции предназначались, чтобы десятки колонистов могли одновременно покидать герметичные отсеки или возвращаться в них. Дэвиду с Михаэлем хватило и технического перехода между «нижними» складами длительного хранения и «верхними», где располагались запасы для бодрствующей смены.

Лифт поднимался довольно долго, чем вызвал удивление Дэвида:

– Сколько же здесь этажей?

– Один, – хмыкнул Лонгрэн. – Водяная прослойка противорадиационной защиты.

– Это что: так много воды?

Из кабины лифта они шагнули в шлюз. Лонгрэн сначала промолчал, занятый изучением нарочито грубо выполненной, но надёжной панели управления пневматикой. И только убедившись, что процесс пошёл, и тесный отсек наполняется воздухом, снова повернулся к второму пилоту:

– Чему вас только учат в вашей лётной академии? – неодобрительно бросил он. – Помимо расхода на питьё и технические нужды, вода задерживает космические лучи…

– И идёт на топливо, – поспешил закончить фразу Дэвид.

– Хоть это знаешь. Да, ничего лучше, чем разлагать воду из астероидов на кислород и водород, люди так и не придумали.

По мере нарастания давления стало слышно, как сипло вздыхают клапаны, как кряхтит гидравлика, словно механизмы станции сбрасывали с себя оцепенение слишком затянувшегося сна.

– Просто странно: столько воды и камня. Где здесь для колонистов место осталось, и как всю эту дуру в подпространство впихнули? Это ж сколько энергии нужно!

– От астероида, вокруг которого и строился любой Ковчег, почти ничего не оставалось. Воду отделяли, породу перерабатывали в пенобетон. Он ещё легче воды, а для прочности его армировали здесь же добытым металлом. Опять же: основная часть колонистов не гуляла весь полёт по станции, а спала в анабиозе. Так что места тут с запасом, не переживай. И масса у нашего «яичка» совсем не как у булыжника. Тут материнская скала осталась только в самой сердцевине – служит защитой реакторной группы.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

после того как условия жизни на Земле стали крайне неблагоприятными, большинство населения покинуло её на эвакуационных космических кораблях, направившись к разведанным пригодным планетам. Это событие получило название «Исход» и в устоявшейся хронологии отсчитывается от даты высадки людей на Надежде. Время действия всех последующих событий указано в г.п.И – годах после Исхода. Продолжительность 1 г.п.И. равна 1 астрономическому земному году

2

устройство для управления компьютерами, техникой посредством команд, отдаваемых жестами кисти руки. В отличие от тачпада/тачскрина не требует прикасаться к нему, а воспринимает движение в трёхмерном пространстве, что даёт большее разнообразие команд

3

ИскИн – искусственный интеллект, в рассказе под этим словом понимается электронный информационно-вычислительный комплекс, способный к выполнению сложных творческих функций и принятию не заложенных заранее (не программируемых) решений без участия человека-оператора

4

тем, кто читал С. Лема, понятно, что это звёздный навигатор; в данном случае – специалист на космическом корабле или судне, отвечающий за движение через подпространство

5

написание без кавычек подразумевает имя ИскИна, а такое же название транспортного судна в тексте заключено в кавычки

6

гарнитура связи с наушниками, основанными на костной проводимости звука. Хорошо подходит для постоянного ношения, т.к. не мешает восприятию внешних звуков и, в то же время, более устойчива к посторонним шумам. Является частью системы реализации «дополненной реальности»

7

компактный лазерный лучемёт (импульсно-лучевой пистолет), используется как табельное оружие сотрудниками правоохранительных служб и экипажами невоенных космических судов

Купить: https://tellnovel.com/ru/aleks-shel_/zalozhniki

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить